

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

1974 АПРЕЛЬ № 4

МУРЗИЛКА

50 лет назад имя Ленина было присвоено комсомолу и пионерской организации

На земле ещё не было человека, который сделал для простых людей столько, сколько Владимир Ильич Ленин. Потому так велика любовь к нашему учителю и вождю.

В память о Ленине люди называют его именем самое дорогое.

В годы после смерти Владимира Ильича тысячи и тысячи новорождённых мальчиков были названы Володями. Это имя тогда дава-

Рис. Н. ЖУКОВА

СВЕТЛОЕ ИМЯ ВОЖДЯ

лось чаще других. Оно и теперь любимо всеми. И не только русские, но и народы, в чьём языке такого имени никогда не было, даже далёкие африканцы, дают своим детям имя Владимир.

В 1924 году имя Ленина было присвоено пионерской организации. Так миллионы детей, у которых разные имена, приобщились к светлому имени вождя: юными ленинцами называют с тех пор пионеров.

Имя Ленина золотым шёлком вышито на Красном знамени комсомола.

В апреле у Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи будет съезд. На нём юноши и девушки страны отметят и славную дату — 50-летие присвоения комсомолу имени Ленина. Радостно носить имя Ленина, почётно. Оно зовёт беззаветно служить народу, как служил ему сам Владимир Ильич.

СОЛОВЕЙ И МУРАВЕЙ

ГАЗИМ-БЕГ БАГАНДОВ

— Ты куда спешишь, Соловей?
— В лес я тороплюсь, Муравей.
— В лес тебе зачем, Соловей?
— Брёвна мне нужны, Муравей.
— Брёвна для чего, Соловей?
— Дом хочу срубить, Муравей.
— Для кого же дом, Соловей?
— Для семьи моей, для детей.
— Дети-то к чему, Соловей?
— Ох, нужны они, Муравей:
Чтоб огонь разжечь,
Чтоб очаг сберечь,
Победить в бою,
Петь, как я пою!

Перевёл с даргинского Я. АКИМ

Рис. М. СКОБЕЛЕВА

«НАТЕНЬКА»

Л. КУЗЬМИН

Рис. Н. ВОРОНКОВА

Перед самой войной отец получил новый трактор. По-настоящему он назывался «НАТИ», но отец величал его «Натенькой», а когда сердился — «Натькой». Только сердился отец редко — новая машина ему нравилась, полюбилась она и мне.

Бывало, набегаюсь я с ребятами так, что ног под собой не чую, приплетусь домой и сяду в прохладной комнате перед ярким распахнутым окном. Сяду, расставлю на подоконнике самодельную флотилию бумажных кораблей и вдруг услышу: где-то далеко-далеко гудит трактор.

Гудит он негромко. Его перебивает звон вагонных буферов на станции за посёлком. Его перебивают свист и пыхтение паровоза на станционных путях, но совсем заглушить не могут. Дальний голос трактора похож на упрямое гудение майского жука, он всё жужжит и жужжит в синеве за окном, и одно надтреснутое стекло в раме начинает ему вторить. А я уже знаю: это отец с «Натенькой» приехали работать в окрестные поля. И я уже забыл о кораблях, забыл об усталости и бегу на голос трактора.

Я бегу напрямик по широкому, бескрайнему клеверищу.

Сочные стебли клевера мне почти по пояс. Их пунцовые головки кла-

Машина для ухода за посадками хлопка.

Машина для посадки сахарной свёклы.

Трактор-опрыскиватель. Применяется для борьбы с вредителями полей и лесных посадок.

няются мне. Встречный ветер пахнет мёдом, вокруг звенят шмели, а прямо из-под ног выкатывается зайчонок и опрометью, высоко подскакивая, улепётывает по густым клеверам. Должно быть, запировался короткохвостый да и проглядел, прослушал, как я топочу босыми пятками по тёплой земле.

Клеверище отлого уходит вверх. Оно раскинулось на широком склоне холма, переваливает через него, и мне кажется, что я взбегаю прямо в небо. Мне кажется, что там, за гранью холма, уже ничего нет.

Но рокот мотора долетает из-за этой грани, и когда я оказываюсь на самой высоте, то у меня захватывает дух. Впереди, слева, справа — кругом, куда ни глянь, — огромное небо.

Клевера теперь опускаются как бы в гигантскую чашу, а на дне чаши деревенька, а чуть поближе берёзовая рощица. Я бегу к ней. Клевера кончились, и вот я стою на свежих пластах пашни. Пласты жирно поблёскивают, тракторный плуг только что прошёл тут, и перевёрнутая почва не успела высохнуть.

А трактор идёт обратно. Он становится всё выше, больше. Он теперь не гудит, а грохочет. Мне видно, как мелькают и сверкают под солнцем стальные звенья гусениц. Я различаю в окне кабины отца. Он весь в пушистой коричневой пыли, и от этого белозубая улыбка его мне ещё заметнее. Он рад, что я прибежал в поле.

Трактор замирает как вкопанный. Отец сдвигает рукоятку газа, рёв и

Трактор Т-150.

звон сменяется добродушным урчанием. Я вскакиваю на гладкую гусеницу, ныряю в кабину, плюхаюсь рядом с отцом на пыльное сиденье. Сначала резкий запах керосина и горячего железа оглушает, но через минуту я уже не слышу его.

Отец улыбается ещё шире, хлопает меня по спине, говорит:

— Пришёл?

Я молча киваю, он привстаёт, берёт меня под мышки, пересаживает на своё место.

Силосоуборочный комбайн.

Я кладу ладони на рычаги, почти сползаю с пружинного сиденья, изо всех сил упираюсь ногами в тугие педали сцепления. Сердчишко моё сжимается в радостном предчувствии, и вот радостное настаёт.

Отец толкает рычаг скорости, кричит мне:

— Давай!

Я опускаю педали, трактор вздрагивает, весело рявкает и вдруг приходит в движение. Он, громкоголосый, могучий, катится вдоль борозды, и я сам себе кажусь таким же могучим. Да и не только кажусь, а трактор и в самом деле слушается меня.

Стоит мне потянуть левый рычаг, и трактор пойдёт влево. Стоит мне потянуть правый рычаг, и трактор пойдёт вправо. А если я возьмусь за рычаг со всей силой и до отказа выжму педаль, то железный силач закружится волчком на одном месте.

Но я этого не делаю. Я заставляю его идти ровненько вперёд да вперёд, потому что позади плуг, потому что пласты из-под плуга должны ложиться прямо, вплотную друг к другу. Баловаться нам нельзя: мы пашем, мы работаем.

А вот песни петь можно. И я пою, и папа поёт тоже. И хотя певцы мы с отцом не очень важнецкие, хотя слова песни больше выкрикиваем, чем выпеваем, но вместе с «Натенькой» у нас выходит куда как славно...

И песня у нас выходит славно, и борозда за «Натенькой» тянется ровная, и весело вокруг в поле, а больше-то нам всем троим сейчас ничего и не надо!

ВАСИЛИЙ ФЕТИСОВ

ЁЖ ПРОСНУЛСЯ

Под пенёчком на горе
Ёж всю зиму спал в норе.
Вдруг почуял:
В норку с горки
Натекает под иголки.
Встал.
Немножко позевал,
Гриб сушёный пожевал
И пошёл с горы пешком
На свидание с дружком.

*

АЛЕКСЕЙ ШЛЫГИН

УБОРКА

Дай тебя, дорожка,
Я побью немножко.
Ты не провинилась —
Просто запылилась.
«А-та-та! А-та-та!»
Будет в доме чистота.

*

ГАЙДА ЛАГЗДЫНЬ

СОСУЛЬКА И ЮЛЬКА

Сосулька просыпается,
Лишь солнышко встаёт,
Висит, не улыбается,
А в лужу слёзы льёт.

— О чём, скажи,
Сосулька, —
Спросила тихо Юлька, —
Ты целый день ревёшь?
А слёзы где берёшь?

Про девочку

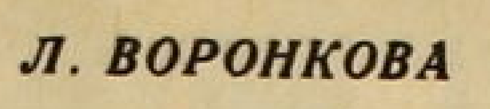
В. ДАНЬКО

Я сказала тучке:
— Возьми меня на ручки.—
Зашептала тучка мне:
— Ах!
У меня же солнышко
На руках!
Ты мне солнышко не буди.
Потихонечку
Уходи.

Подошла я к ёлке-колючке:
— Ёлочка,
Возьми меня на ручки.—
Зашумела ёлочка:
— Ах!
У меня бельчонок
На руках!
Я пушистого малышку
Спрячу в тёмных лапках,
Подарю орех и шишку,
Чтобы он не плакал.
Не пугай бельчонка,
Проходи сторонкой!

Никому я не нужна,
Так и буду я одна...
Вдруг я слышу:
— Внучка!
Беги ко мне на ручки! —
Мигом оглянулась я —
А это бабушка моя!

Рис. С. ДЕНИСОВА

Л. ВОРОНКОВА

БИТВА ПРИ ФЕРМОПИЛАХ

Рис. В. ЛОСИНА

Эллада замерла, как замирает земля перед надвигающейся грозой. Персидский царь Ксеркс с огромным войском приближался к Фермопильскому горному проходу, ведущему внутрь страны.

Чтобы закрыть проход в теснину Фермопил, пошёл с отрядом спартанский царь Леонид. В отряде было триста самых отважных воинов Спарты.

Они собрались так быстро, что едва успели проститься с родными. Жена Леонида, прекрасная Горго, не пролила ни одной слезы. Спартанки не плачут.

— Со щитом или на щите![1] — сказала она.

— Со щитом, Горго, со щитом! — ответил Леонид.

Воины Леонида, все триста в красных плащах, запели пеан — военную песнь — и покинули Спарту.

На пути к Фермопилам к Леониду присоединились отряды союзных войск — локры, фокийцы, тегейцы, аркадяне, коринфяне...

Отряд шёл быстрым шагом. Леонид был спокоен. Наступил час выполнить свой долг перед родиной. Сердце его билось ровно.

Отряд шёл по узкой дороге между морем и Трахинской скалой. Дорога становилась всё теснее. Скала прижимала их то к морю, то к болотам. Наконец путь им преградила старая, полуразрушенная стена. Леонид остановил войско.

— Здесь мы будем ждать Ксеркса.

А царь Ксеркс уже приближался к Фермопилам. Леонид обратился к воинам:

— Друзья! Наше время настало!

Спартанцы ответили боевым кличем. А остальное войско молчало. И Леонид почувствовал, что в отряды его союзников прокрался самый страшный враг — ужас перед наступающим неприятелем.

— Мы посланы охранять Фермопильский проход, — сказал Леонид, — и мы должны его охранять. На нас напал сильный враг, но ведь Ксеркс не какой-нибудь бог, а просто человек. Я пошлю вестников во все наши союзные города, попрошу помощи. И помощь при-

[1] Со щитом — с победой. На щите — доблестно павший в битве.

дёт. А сейчас нам надо достойно встретить врага.

Эллины стали готовиться к битве. А гонцы Леонида уже мчались в Спарту, мчались в Афины, мчались в другие города Эллады. И все с одним наказом, с одной просьбой:

— Шлите помощь в Фермопилы! Враг уже близко, а нас слишком мало, чтобы отразить его.

Спартанские правители — эфоры — еле выслушали их. Спарта торжественно справляла ежегодный праздник в честь Аполлона Карнейского.

— Скажите Леониду, — сурово ответили эфоры гонцам, — что мы не можем прервать праздник и оскорбить бога. Когда кончится праздник, мы придём. Пусть ждёт.

Ничего не добились гонцы и у союзников. Эллинские города справляли в Олимпии Олимпийские игры.

Один за другим вернулись вестники к Леониду. От их вестей у него осунулось лицо.

Прошло четыре дня. На пятый день, сверкая оружием, показались персидские войска. Они двигались пёстрым потоком во всю ширину дороги, и конца этому потоку не было видно.

Эллины стояли готовые к бою.

— Это ещё не персы, — приглядевшись, сказал Леонид, — это мидяне и киссии. Если персы могли отнять у мидян царство, неужели эти самые мидяне могут победить нас?

Враги бросились в бой с громкими криками и воплями. Мидяне решили сразу уничтожить эллинский отряд, но словно наткнулись на железную стену. Первые отряды их упали, как трава под косой. Тут же на место убитых встали другие, снова бросились на эллинов. И снова легли, ни на шаг не пробившись вперёд.

Целый день, до самого вечера длилась тяжёлая сеча. Мидяне не отступали, не могли смириться с тем, что не в силах опрокинуть такой малочислен-

ный отряд. Но когда ночной мрак заполнил ущелье, они отступили.

Ксеркс встретил их в гневе.

— Я вижу, что людей у меня много, но мало мужей! Иди ты, Гиндарес, со своими «бессмертными» и уничтожь этот отряд безумцев. Не вечно же мне стоять здесь, у прохода, не имея возможности пройти его!

Гиндарес, начальник царских телохранителей, тотчас выступил со своим всегда готовым к бою отрядом. Ксеркс отправился вместе с ним. Он хотел видеть, как будут уничтожены эти дерзкие эллинские безумцы, осмелившиеся сопротивляться персидскому царю

Эллины похоронили своих убитых. Перевязали раны. И снова взялись за оружие. Они уже не ждали помощи — Карнейские празднества ещё не окончились, не окончилась и Олимпиада в Олимпии.

— Пусть не пугает вас, воины, это название — «бессмертные», — сказал эллинам Леонид, — они такие же смертные, как и все. Встаньте в боевой порядок, каждый к своему племени. А вы, фокийцы, идите на вершину горы и стойте там на страже, чтобы персы как-нибудь не обошли нас. Мы будем сражаться, сменяя друг друга. И помните, не сила побеждает в бою, но умение воевать. У персов же этого умения нет!

Эллинов ободрили слова Леонида.

Фокийцы сразу ушли на гору и скрылись в лесу. Эллины разделились по племенам и стали ждать врага.

Отряды Гиндареса шли, блистая золотыми украшениями богатых одежд и вооружения. Сам грозный Гиндарес вёл своё войско. Смуглое чернобородое лицо его было мрачно и решительно.

Леонид с копьём в руке встал впереди своего отряда.

Персы дрались яростнее, чем мидяне и киссии. Они хотели оправдать свою славу непобедимых и бессмертных. И они знали, что царь Ксеркс, сидя на троне, смотрит на них с горы.

Но эллины не уступали им в отваге, а в умении превосходили. Они то дрались лицом к лицу, то вдруг все сразу поворачивались и делали вид, что бегут. Персы с торжеством бросались их преследовать с криками, с шумом. И когда уже настигали, эллины внезапно обращались к ним лицом и, пользуясь их смятением, избивали несчётно.

И опять ночь положила конец сражению. «Бессмертные» в недоумении отступали, унося своих убитых.

— О царь, — сказал Гиндарес, сам изумлённый и разгневанный, — их так мало! Завтра мы возобновим битву, и они сдадутся, потому что многие из них уже изранены и не смогут так сражаться, как в первый день.

Но и на другой день эллины сражались так же отважно. И опять не сдались. «Бессмертные» без счёта умирали под их мечами и копьями. А когда ещё раз отступили, Ксеркс закричал в ярости:

— Я больше не знаю, что с ними делать!

И тут к царю явился малиец Эфиальт. Тощий и жёлтый, с жидкой бородкой, он опасливо поглядывал на царя маленькими жадными глазами.

— Я могу помочь тебе, царь, — сказал он, — я знаю тропу через гору. Твои воины могут напасть на эллинов с той стороны, откуда те не ждут нападения...

Леонид, тяжело задумавшись, сидел у костра. Измученные воины спали. Его томила тоска. Ему уже было ясно, что персы не отступят и что помощь к нему не придёт. Значит, это его последняя ночь. Леонид повторял себе, что смерть его будет славной, но душа не хотела смерти. Молодая Горго стояла перед его глазами, бледная, как её покрывало. Он снова слышал её голос: «Со щитом или на щите!»

— На щите, Горго, на щите, — тихо сказал Леонид.

Тревожно шумело море. Тёмная гора

возвышалась над головой, заслоняя звёзды. Костёр угасал...

Вдруг из зарослей, с горы, перед самой стеной появился человек. Стража тотчас привела его к Леониду.

— Кто ты? — спросил Леонид.

— Я фессалиец, — сказал он, задыхаясь, — я бежал из персидского лагеря. Царь, персы идут в обход! Отступай, ибо тебе нет спасения!

— Спартанцы не отступают, друг мой, — ответил Леонид. И тотчас приказал разбудить лагерь.

Тревога быстро разбудила воинов. Леонид обратился к военачальникам союзных городов.

— Друзья, — сказал им Леонид со спокойствием человека, принявшего твёрдое решение, — друзья, союзники мои! Я отпускаю вас всех. Вам незачем больше подвергать себя опасности, потому что Фермопил нам уже не удержать. Вернитесь в свои города, вы сделали всё, что могли. Мне же и моим спартанцам не подобает покидать место, на защиту которого нас послала Спарта.

Союзники пошумели, поспорили и ушли, потому что надежды ни на победу, ни на спасение не было. Лишь немногие из них остались с Леонидом.

Леонид, так и не заснувший за всю ночь, заметил, что пламя костров стало блёкнуть. Он поднял глаза — сквозь древесную листву уже светилась заря, и на море играли золотые блики. Утро.

Леонид с чувством глубокой печали в последний раз обратился мыслями в Спарту.

— Прощай, Горго, — прошептал он, — береги сына, Горго... Прощай!..

На кострах кипели котлы с похлёбкой. Воины ели, не снимая оружия.

Леонид прислушался. Какой-то неясный шум идёт по вершине горы. Ветер ли шелестит листьями? Или персы идут?

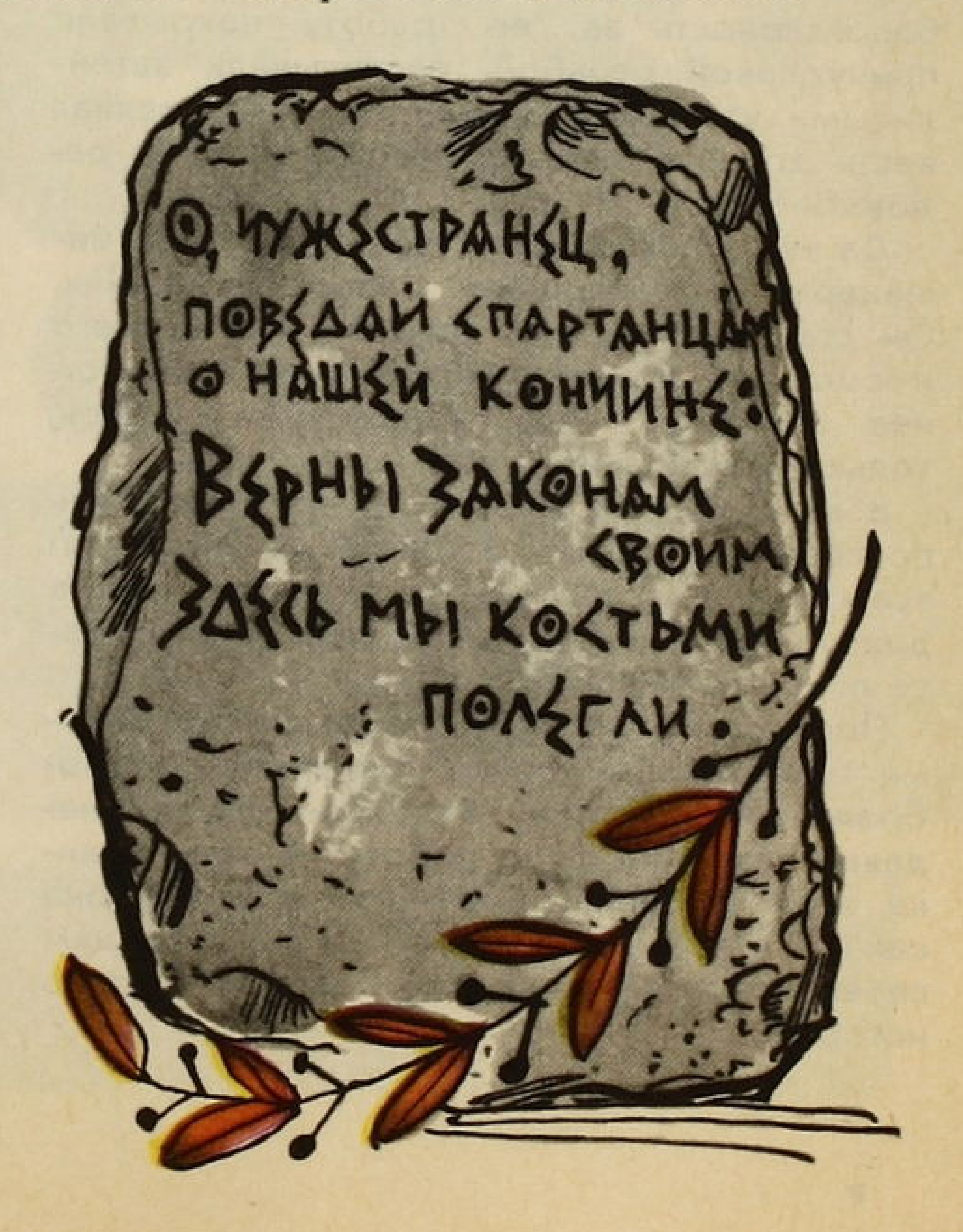
Шум становился шире, отчётливей. Персы!

По единой команде спартанцы встали в строй. Леонид вывел отряд на более широкое место. Уже незачем было прятаться за стеной, он знал, что это будет их последняя битва.

Персы лавиной свалились с горы, и сразу началась рукопашная. Спартанцы бились отважно. Их копья сломались, они бились мечами. Персидские стрелы со зловещим гудением взвивались вверх и оттуда тяжело валились на головы эллинов. Один за другим падали они, сражённые в неравном бою, красные плащи устилали землю. Вот уже совсем немного их осталось. А вот уже и нет их ни одного. Все спартанцы легли в этой битве, все триста. И вместе со своими воинами и союзниками пал на кровавом поле их полководец, спартанский царь Леонид.

Путь в Элладу был открыт. Ксеркс прошёл с огнём и мечом по эллинской земле. Но поработить эту землю он так и не смог — эллины не терпели рабства.

Позже на месте битвы при Фермопилах Спарта поставила памятник — камень, на котором было написано:

Русская прялка

Л. ТОКМАКОВ

В доме наших предков прялка была чуть ли не самым главным предметом: она одевала всю семью. Но у людей польза и красота испокон веков жили рядом. Скромную труженицу прялку как бы в благодарность за её работу покрывали причудливой резьбой, расписывали затейливыми узорами. Считалось, что всякая вещь должна быть красивой, должна радовать глаз.

Да это и сегодня так: создали станок инженеры, а завершает работу художник. Он станку такой вид придаёт, что на него и смотреть приятно, и работается радостнее. А прялка — это ведь тоже станок, только маленький.

В каждом районе прялки изготовлялись по своему образцу. В одной местности по всем прялкам красные лошадки скачут, в другой розы цветут, а в третьей они и вовсе покрыты резьбой.

Посмотри наверху — прялка со сказочными цветами. Так живо, так трепетно изображение! Кажется, художник совсем недавно закончил свою работу. А ведь прялке этой не меньше ста лет и живет она сейчас вторую жизнь — служит людям своей красотой и не даёт забывать свою историю.

СЕВЕРОДВИНСКАЯ ПРЯЛКА. Видишь, как красиво нарисованы лошадка и сани! Как деликатно соединяется изображение фигур с орнаментом. Богатство! А вместе с тем ничего лишнего!

А. КОНДРАТЬЕВ

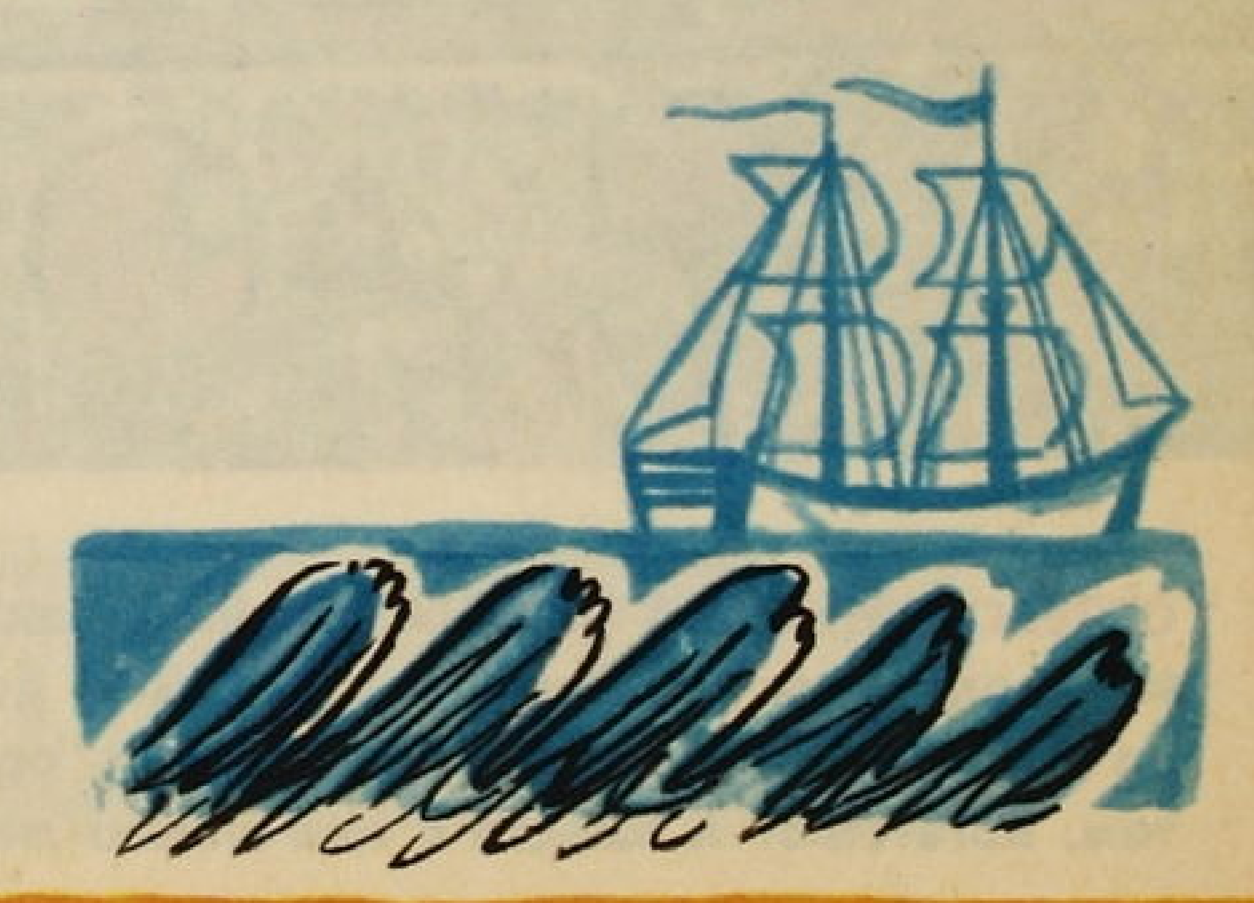

Прощальная песенка

Вот отчалили мы от причала,
Наш кораблик волна закачала,
И подул ветерок в паруса,
Обещая в пути чудеса.

И махали нам белки хвостами,
И кивали олени рогами,
И взобрался на ёлку медведь,
Чтобы сверху на нас поглядеть.

До свидания, звери и птицы!
Нам придётся на время проститься.
Может, месяц пройдёт
Или год,
Но кораблик назад приплывёт.

Светлячок

Ухнул филин — и молчок.
Ночь в лесу давно.
Только светит светлячок
Всем, кому темно.

Пчела

Рано-рано начала
Свой рабочий день пчела;
Облетела все цветы,
Чтобы мёд отведал ты.

Рис. Г. МАКАВЕЕВОЙ

НЕДОПЁСОК

Юрий КОВАЛЬ *Рис. Ю. МОЛОКАНОВА*

Здесь мы печатаем главы из новой повести Ю. Коваля, которая полностью будет опубликована в журнале «Костёр». В повести рассказывается о том, как ранним утром 2 ноября со зверофермы сбежал ценный зверь — песец по кличке Наполеон Третий.

Правда, Наполеон не был ещё настоящим песцом, он был пока щенком, недопёском, но бегство его чрезвычайно огорчило директора зверофермы.

После разных приключений, после ночи, проведённой в барсучьей пещере, недопёсок попал в деревню Ковылкино. Здесь накинулись на него дворняжки, но Наполеон вступил в неравный бой.

Выручил недопёска из беды плотник Меринов. Во дворе у плотника встретила Наполеона добродушная собака Пальма, а дочка плотника Вера покормила недопёска щами и привязала на верёвку, чтоб не убежал. И вот что произошло на следующее утро.

Полтабуретка

Плотник Меринов пошёл на работу, а Вера — в школу. Дома никого не осталось.

Только Пальма по характеру была домоседка. Она не слишком-то любила болтаться по улицам, ей нравилось, когда гости сами приходили.

Скоро во дворе появилась гостья. Это была старая приятельница Пальмы — собачонка Полтабуретка.

Маленькая и зловредная, Полтабуретка имела скверный характер. Она воровала всё, что попадалось на глаза, и любила укусить сзади. Деревенские псы терпеть не могли Полтабуретку, и только Пальма относилась к ней добродушно.

«Маленькие собаки злые, — рассуждала Пальма. — Их надо жалеть. У них жизнь не удалась».

Пальма всегда делилась с голодной Полтабуреткой костями, которые ей перепадали от мериновского стола, и поэтому Полтабуретка заходила к ней каждое утро, перекусить и вообще покалякать.

Увидевши гостью, Пальма махнула хвостом. Полтабуретка издалека оскалилась, захихикала, подскакала к конуре.

Вдруг она замерла на месте, наморщила нос: дескать, чем это у вас тут противным пахнет? Пальма приветливо фыркнула: мол, не беспокойся, затесался тут один знакомый или родственник, что-то вроде племянника.

Из конуры вылез Наполеон Третий.

Но Полтабуретка вовсе не хотела уже ни в чём разбираться. Она не то что лаяла, она орала во всё горло, и печник Волопасов, который проходил мимо, невольно подумал:

«Плотник Меринов к праздникам свинью режет».

На голос Полтабуретки прибежали рыжая Дамка, собачонка Мошка и бродячий пёс Шакалок. Кольцом обложили они Пальму и Наполеона и грозно ворчали, а Полтабуретка шмыгала вокруг и разжигала.

Вся эта комедия Пальме не понравилась. Она загнала Наполеона в конуру и сама влезла в неё, выставив наружу только лишь свою добродушную мор-

Полтабуретка грозно зарычала, глазки её загорелись скандальным огнем.

Не рассуждая, кинулась она к недопёску, клацнула зубами и выдрала клок шерсти. Пальма соскочила с конуры, оттёрла Полтабуретку плечом и встала между нею и недопёском.

«Погодите, погодите, ребята, — как бы говорила она. — Давайте вначале разберёмся, в чём тут дело».

ду. Пальма миролюбиво ворчала, поясняя, что нечего разжигать сыр-бор, что это её знакомый или даже родственник и что, в конце концов, это её личное дело, кто живёт у неё в конуре.

Но уговоры Пальмы не помогали. Коварная Полтабуретка вскочила на крышу и стала скрести её когтями.

Терпение Пальмы лопнуло. В ярости выскочила она из конуры, левой лапой

сковырнула с крыши Полтабуретку, и тут же сцепились в одно лохматое колесо и Мошка, и Полтабуретка, и Пальма, и бродячий пёс Шакалок. Только Наполеон взволнованно выглядывал из конуры и чем-то напоминал в конце концов своего знаменитого тёзку, который наблюдает из маршальского шатра за ходом сражения.

Псы свились в клубок, связались двойным морским узлом, покатились к сараю, перевернули козлы, но тут что-то засвистело в воздухе, и послышался грозный крик:

— Артиллерия! Огонь!

Градом посыпались на собак разрывные снаряды — осколки горшков, кирпичи и гремящие консервные банки. Первым рванул в сторону Шакалок, за ним Полтабуретка.

Из-за забора заглядывал на мериновский двор какой-то человек в офицерской фуражке. Это был дошкольник Серпокрылов.

Дошкольник Серпокрылов

После завтрака дошкольник Серпокрылов имел обыкновение прогуливаться по деревне. Проводив на работу своего папашу, уважаемого слесаря Серпокрылова, дошкольник надевал офицерскую фуражку, закидывал на плечо винтовку, сделанную из железа, и выходил в дозор.

Все друзья дошкольника учились в школе, поэтому до часу дня Серпокрылов был свободен и одинок. Но одиночество не мучило его, потому что он был занят военным делом.

Взявши винтовку наперевес, солдат Серпокрылов крался вдоль забора, стараясь подстрелить какого-нибудь вражеского разведчика или адъютанта.

Около клуба ему попался почтальон дядя Илюша, который мгновенно был ранен в ногу.

— Смотри, Лёшка, — крикнул дядя Илюша, — сколько снегу навалило. Надо маскировочный халат надевать.

Сержант Серпокрылов стрельнул ещё разок, но, как видно, не попал. Прихрамывая, дядя Илюша двинулся по деревне. Он кидал газеты и письма в почтовые ящики, приколоченные к калиткам. Из проулочка появился тем временем неприятельский батальон, обутый в красные сапоги.

— Солдаты! За мной! — шепнул своим разведчикам старшина Серпокрылов. — Возьмём их в клещи!

Будто лавина, обрушились серпокрыловцы на врага. Хлопая от ужаса белыми маскировочными рукавами, вытягивая в страхе белые маскировочные шеи и даже маскировочно гогоча, враги рассыпались по огородам и замаскировались.

— Ну что ж, — сказал сам себе дошкольник, — операция прошла блестяще. Кажется, я заслужил офицерские погоны.

Неожиданно послышалось ворчанье танка. Лязгая гусеницами, из-за ближайшего блиндажа вываливался тяжёлый бронированный механизм.

— Погибать, так с музыкой! — крикнул лейтенант Серпокрылов, держа в руке противотанковую гранату. Раздался чудовищный взрыв — механизм выпустил облако дыма и отправился умирать в сторону силосной ямы.

После боя установилась над землёй тишина. Такая тишина, какой не услышишь в мирное время. Но это была обманчивая тишина.

Вдруг со двора плотника Меринова послышались какие-то крики — визг, лай, грохот боя.

— Вперёд! По-пластунски! — скомандовал капитан Серпокрылов, упал в снег и стремительно пополз к забору.

Невиданный бой разгорелся за забором, но майор сразу оценил обстановку.

— В штыки! — послышалась команда. — Ребята, не подведите своего подполковника! Рубай их!

Град огня обрушился на врага.

— Спасибо вам, товарищ Серпокрылов! — сказала Пальма. — Ваши активные боевые действия привели к полной победе.

— Я солдат, — скромно ответил полковник Серпокрылов. Поправив ордена на своей груди, он хотел уже лезть обратно через забор, но вдруг заметил маленького какого-то пушистого солдатика, привязанного за верёвку к конуре.

«Вон какую штуку завела себе Верка Меринова! — изумлённо подумал дошкольник Серпокрылов. — Вроде это не собака. Но и не лиса. Кто же это?»

Он отвязал верёвку от кольца и потянул за собой Наполеона.

— Это мой трофей, — объяснил он Пальме. — На войне как-никак бывают и трофеи.

Потягивая за собой недопёска, он вышел через калитку на улицу.

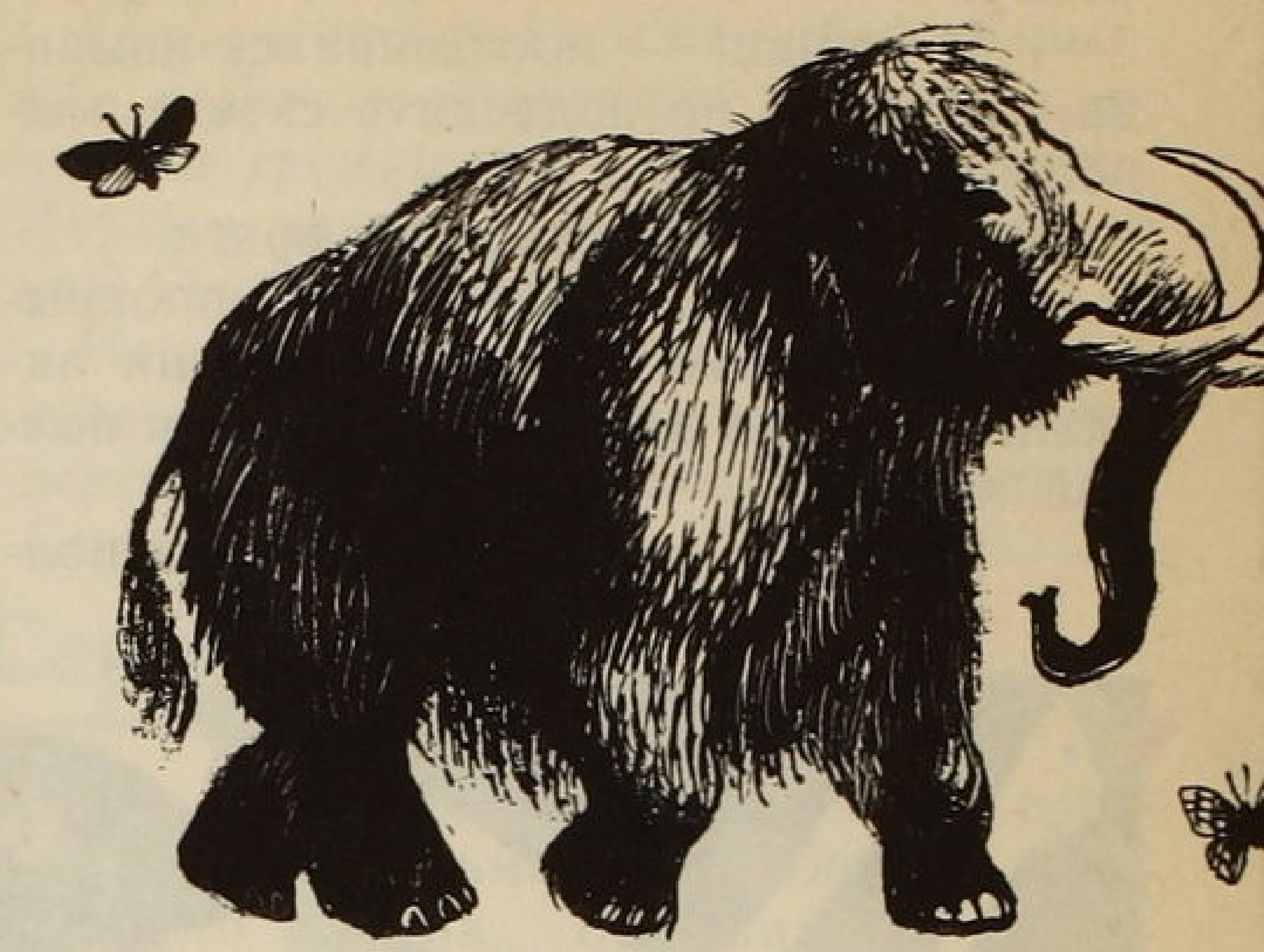
Победные флаги трепетали над головой генерала Серпокрылова.

В следующем номере будет напечатана глава «На севере диком».

В МОСКОВСКОМ

Слон, зубр, тигр.

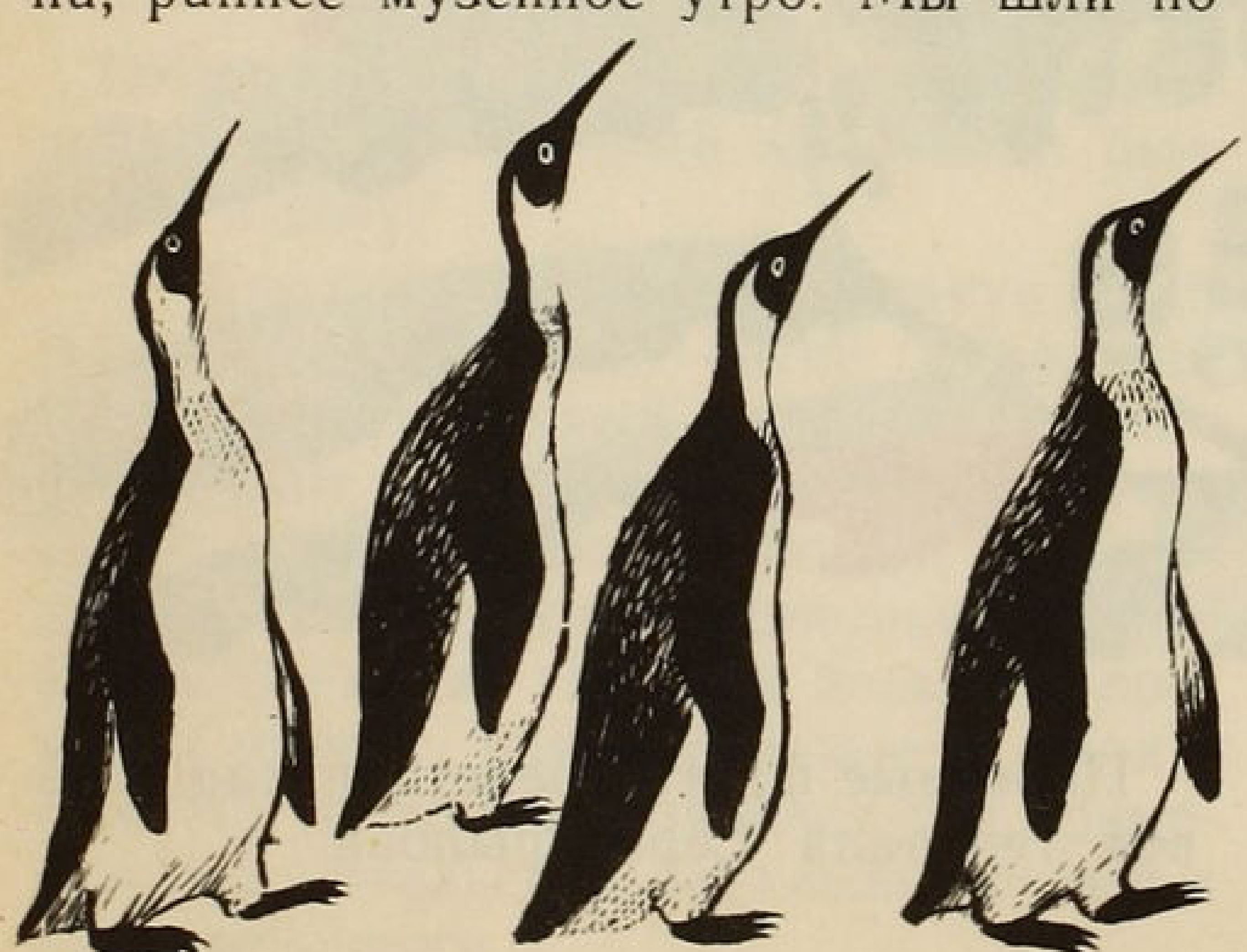

Мамонт, бабочки и глубоководн

...Мы пришли сюда вдвоём — художница Галя и я. Мы договорились, что я напишу про музей рассказ, а Галя вместе с художником Николаем Устиновым сделают так, чтобы он получился в журнале интересно и красиво.

На улице уже кипел день, люди поглядывали на часы: не пора ли обедать? А здесь, внутри, была ещё тишина, раннее музейное утро. Мы шли по громадным, как площадь, залам среди зверей, птиц и рыб... Только они были не живые, а чучела, и все стояли в просторных стеклянных шкафах. Вот шкаф — уместилось пять медведей. А здесь сидят за стеклом совы. Как много, оказывается, на свете разных сов! А вот верблюды, важные и медлительные.

В зоомузее собраны вместе животные со всего света. И ты вдруг замечаешь, что нет на Земле ни одного уголка, ни одного клочочка воды и воздуха, на котором бы кто-нибудь не летал, не плавал, не боролся... Вот альбатрос — большая и сильная птица. Он живёт в небе над океаном. Он и спит на воде, он и пьёт горько-солёную океанскую воду, в воде находит себе пропитание.

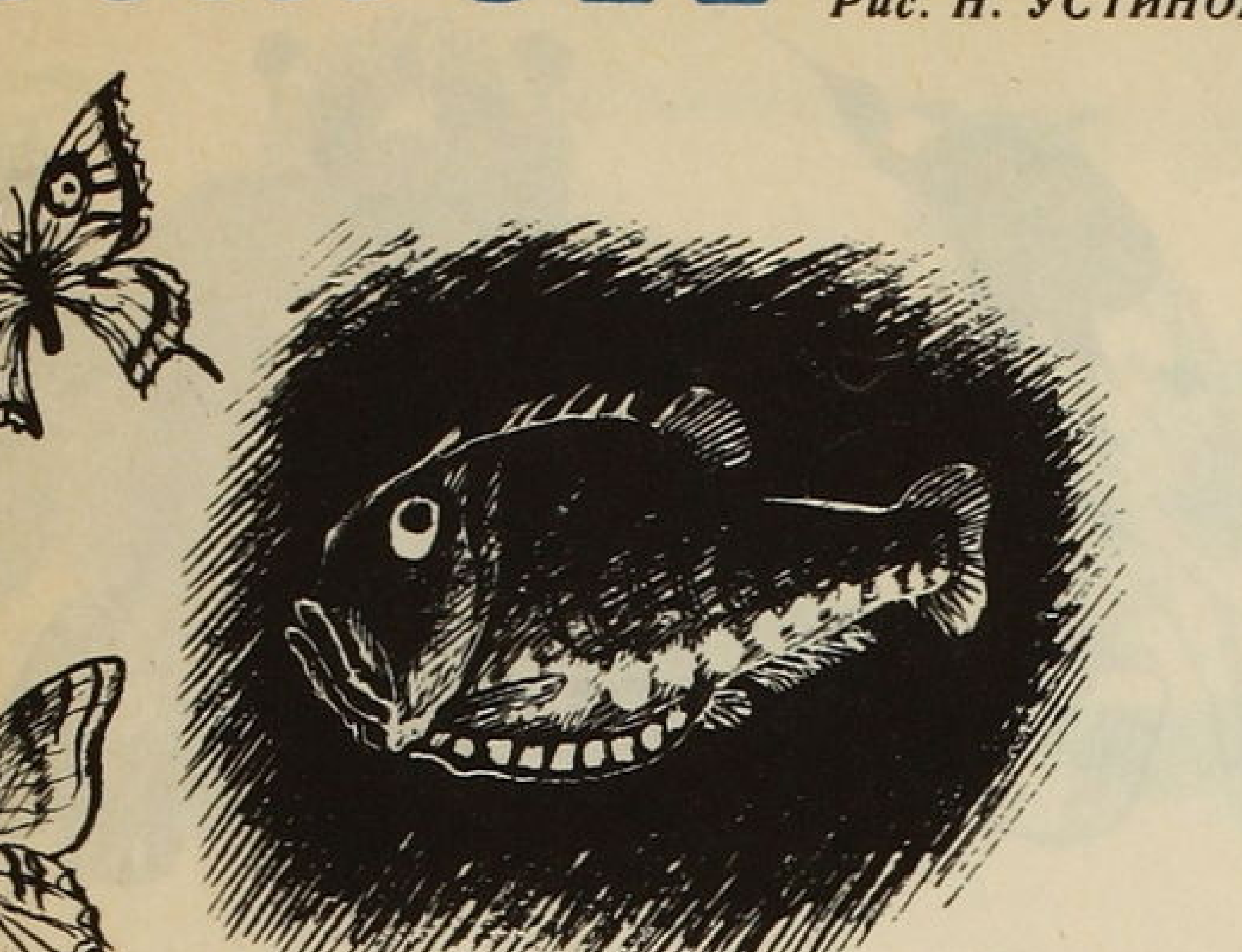
Королевские пингвины на прогулке.

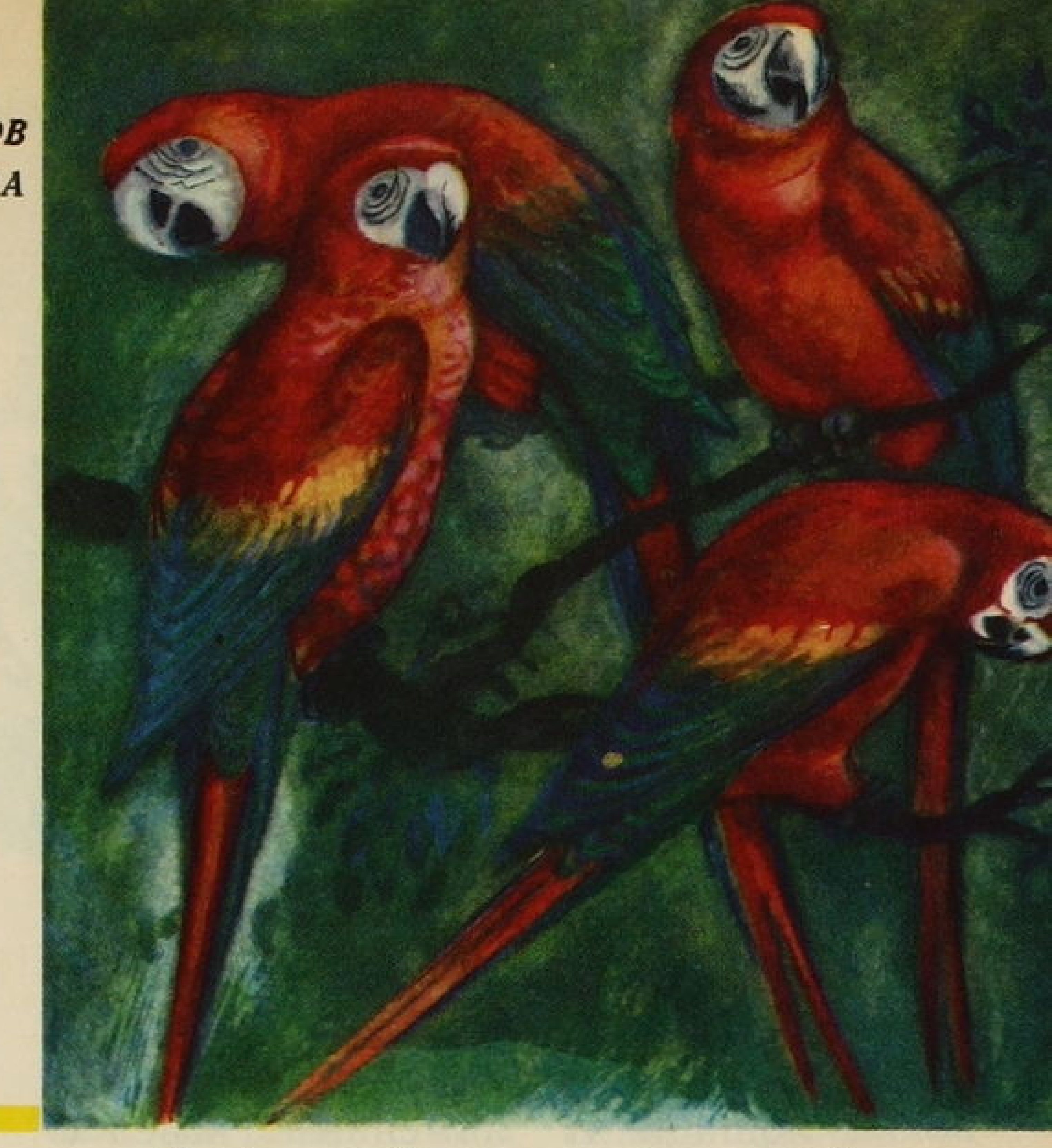
Золотоволосые пингвин

…ЗООМУЗЕЕ

С. ИВАНОВ
Рис. Н. УСТИНОВА

светящаяся рыба.

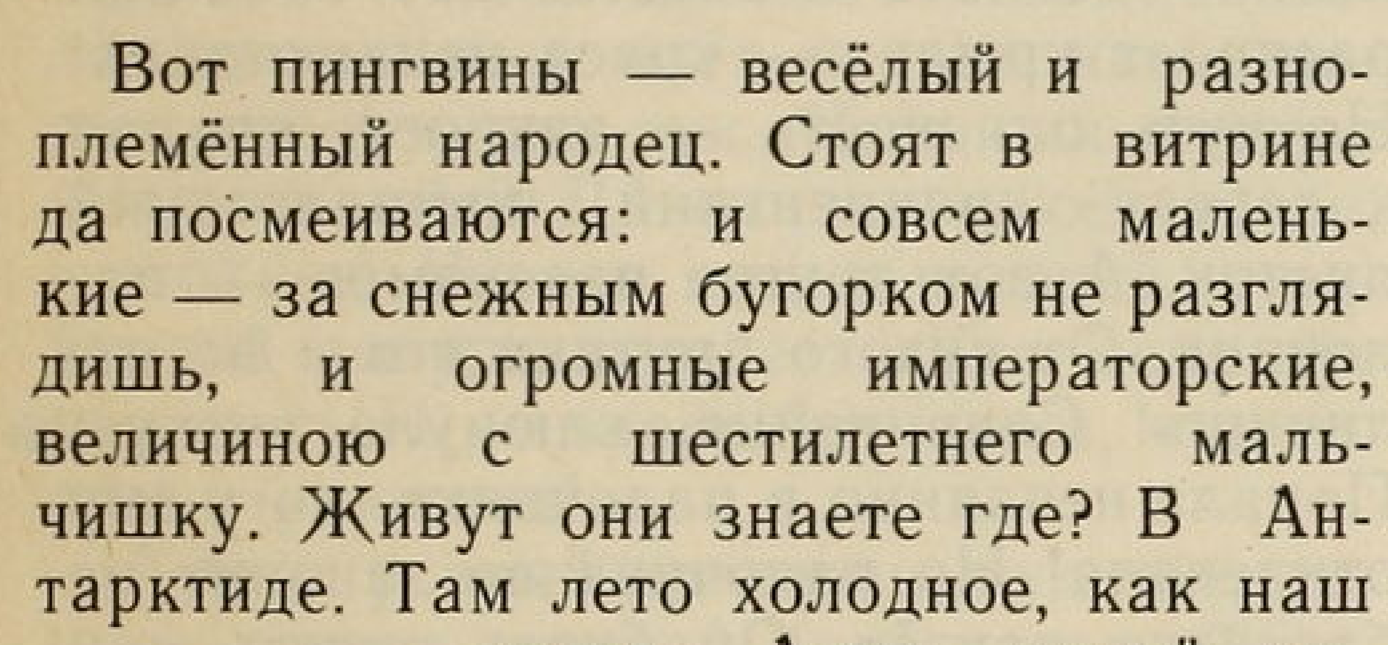

О чём это беседуют попугаи ара?

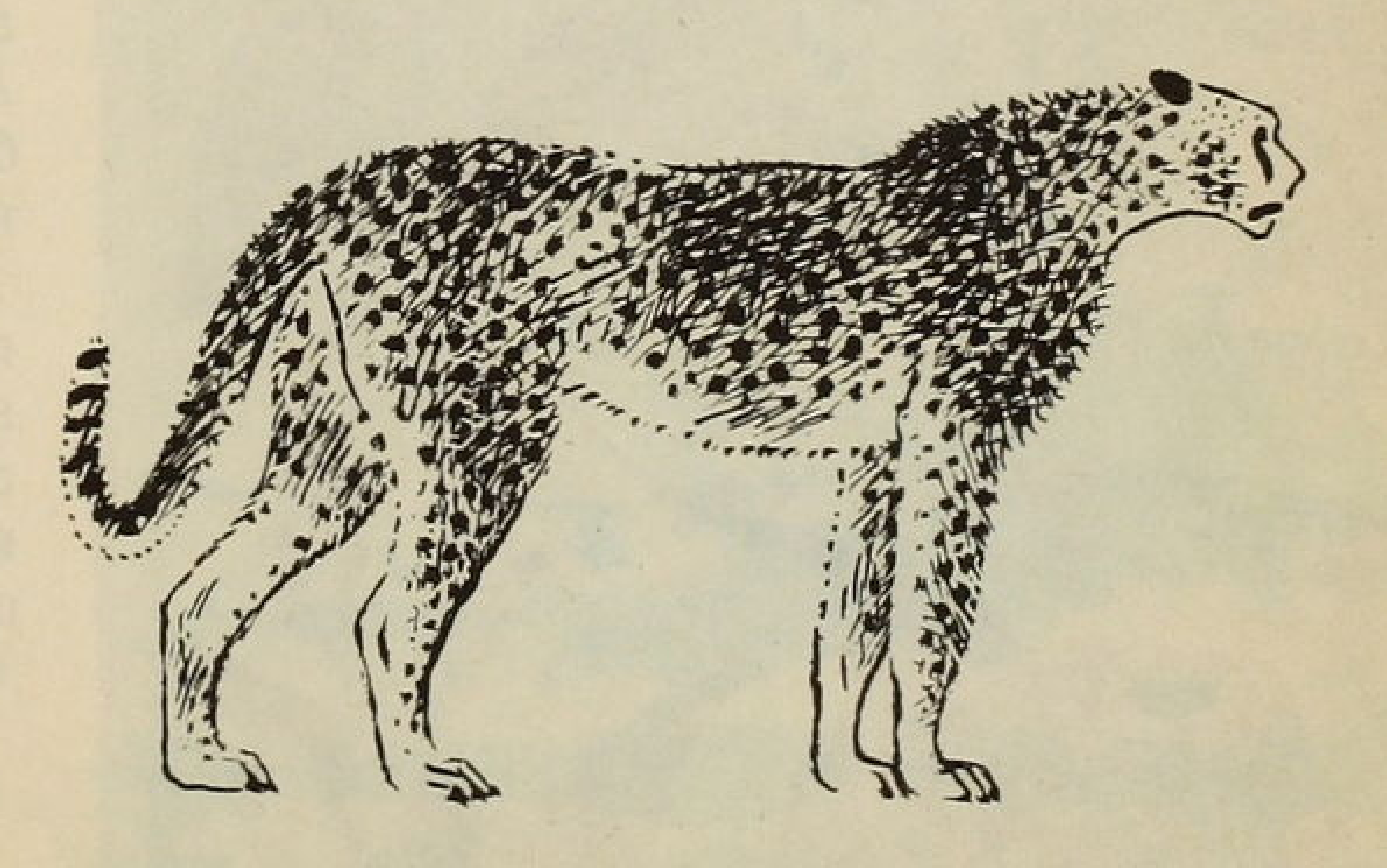
Вот пингвины — весёлый и разноплемённый народец. Стоят в витрине да посмеиваются: и совсем маленькие — за снежным бугорком не разглядишь, и огромные императорские, величиною с шестилетнего мальчишку. Живут они знаете где? В Антарктиде. Там лето холодное, как наш январь. А уж зимой такие морозы, такие трескучие, что даже градусники трещат — не выдерживают: лопаются!.. А пингвины вот выдерживают: ходят босыми лапками по эдакому морозу, выводят птенцов, купаются в ледяной воде.

А вот пустыня. Песок, скалы, солнце. Ветер как из паяльной лампы. Но и здесь живут неторопливые серьезные черепахи. И неплохо живут: находят себе еду, учат уму-разуму маленьких черепашат...

И ядовитые, непроходимые джунгли тоже полны жизни. И самые глубокие океанские пропасти тоже. Попади туда подводная лодка — её тут же сплющит в стальную лепёшку. А рыбы ничего, живут. Вон плывёт одна, освещая себе путь собственным фонарём...

Палочник.

Гепард — самый быстрый зверь в мире.

Везде, везде есть жизнь. Мы глядели — только головами покачивали: «Надо же, пингвины на морозе! Надо же, альбатросы воду морскую пьют, как лимонад... А черепахи-то?..» И так далее и так далее. Словом, мы всех их очень жалели... Но оказалось, напрасно! Живая жизнь очень хорошо умеет ко всему приноровиться, приспособиться. Пингвину не надо другой родины, кроме Антарктиды. А черепахе мила раскалённая пустыня. А альбатросу дай попить пресной воды, он выплюнет её и скажет: «Это что за гадость?!» Словом, каждый на своём месте, и каждому хорошо.

Мир животных — пингвин, альбатрос, черепаха... И лёгонькая, как пинг-понговый шарик, птичка колибри, и кит, у которого одно только сердце величиною с лошадь! И каменный козёл с закрученными, будто колёса, рогами, и комар, и почти невидимый рачок. Они живут себе каждый на своём месте и как будто друг другу не мешают.

Парусник, корифена, скат и акула.

Птичка киви, краб, сова, бабочка, ушастый

Оказывается, не совсем так. Рядом живут слабый и сильный. Слабый старается спрятаться и убежать. А сильный — догнать и съесть. Вот бабочка: раскроет крылья — краса ненаглядная! Но чуть опасность — закроет, прилип к дереву дрянненький прошлогодний листок. А вот другое насекомое — палочник. От сухого прутика его и не отличишь! Села птица, клюнула ветку... Попала нечаянно в палочника, ногу ему отклевала! Но палочник не завопит, не бросится наутёк. Он будет сидеть как сидел, словно деревянный Без ноги, да живой! Выдержка прямо геройская... А что же нога? За ногу не беспокойтесь! Послезавтра новая отрастёт.

А эта букашка ни от кого не прячется. Сидит себе на листочке, посмеивается: «Попробуй меня клюнь! Я такая невкусная, потом полдня плеваться будешь!»

Альбатрос.

…филин и медведи — вот компания какая!

Слабые прячутся хитро. А сильные? Выходит, без ужина спать лягут? Нет! Ты спрятался, а я тебя найду, ты быстрый, а я тебя догоню!.. По новозеландскому лесу идёт птичка киви, носом тук-тук, тук-тук. Чего она пустую землю клюёт? Да она не клюёт вовсе, а нюхает! Червяк сидит в своей подземной конуре, думает: «Кто меня тут увидит?» И не знает бедняжка, что его уже... унюхали!

А этот усатый красавец, пудовые лапы — гепард, родной брат тигра. Лениво развалился на травке. Но чуть уловит ухо подозрительный звук — стрелой полетит на добычу. Берегись! Гепард — самый быстрый зверь в мире!

Медвежонок.

А вот ещё охотник — небольшая рыбка брызгун. Ни силы, ни скорости, ни страшных зубов. Но зато... Летела над заводью мошка, летела, страху не знала. И вдруг — фить! — ударил из воды фонтанчик. Это брызгун прицелился и выпустил изо рта острую и тонкую струйку воды. Мошка упала, теперь подплывай к ней да ешь.

...Когда мы с Галей пришли в зоологический музей, он показался нам бесконечным складом пронафталиненных чучел. Но когда мы уходили, он был для нас в сто раз живее и богаче самого огромного зоопарка. Да что там зоопарк! Мы будто совершили поездку по всему земному шару.

И вот главное, что мы поняли и что нам хотелось бы сказать всем: мы, люди, сильнее и умнее всех. Нам ни лев не страшен, ни гепард, ни акула. Мы и палочника легко отличим от палки, мы и самую быструю лань остановим... выстрелом. Но только мы совсем не для того живём на Земле, чтобы чинить грабёж да разбой. Мы самые умные и должны стать самыми добрыми.

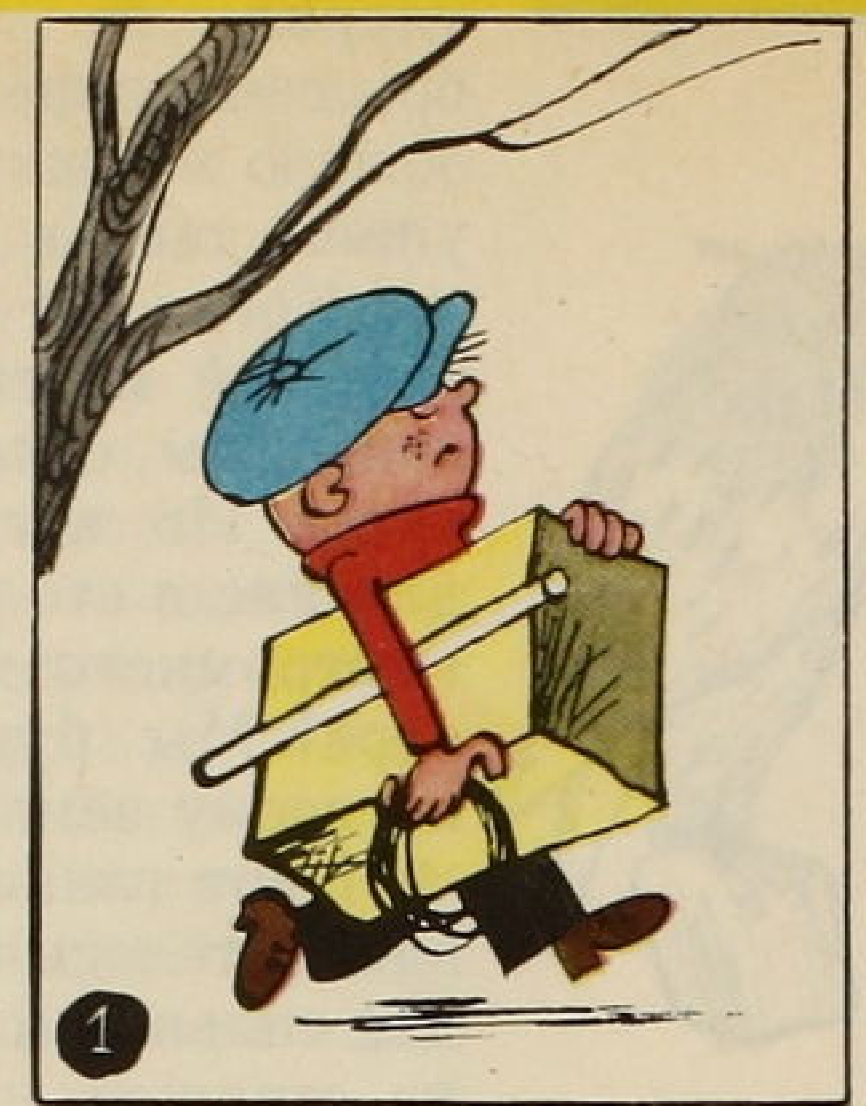
Живи, дикое зверьё! Летай, кусайся, жужжи. Мы тебе не враги, а друзья!

Крокодил, лягушка, слоновая черепаха, гадюка, варан.

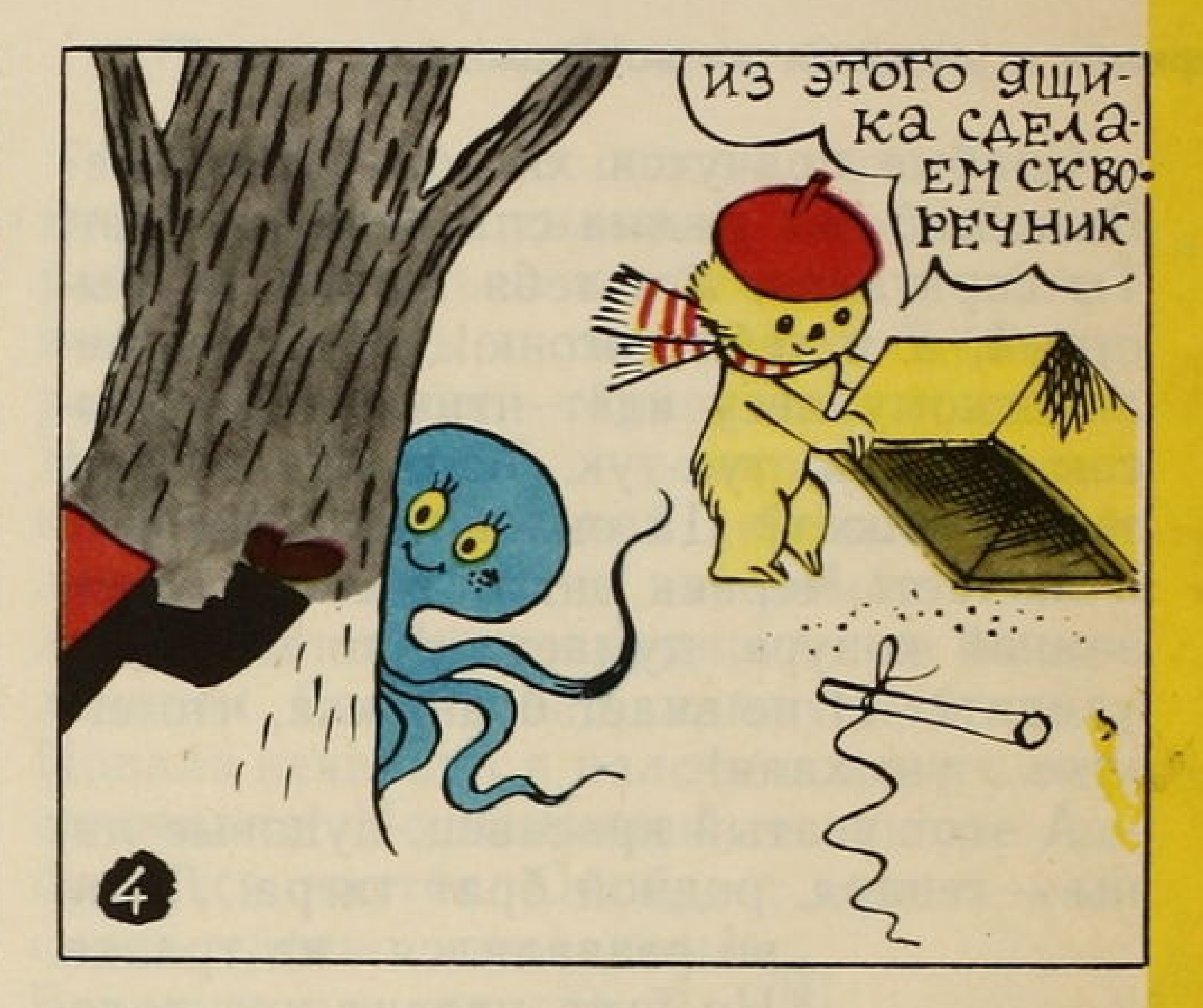

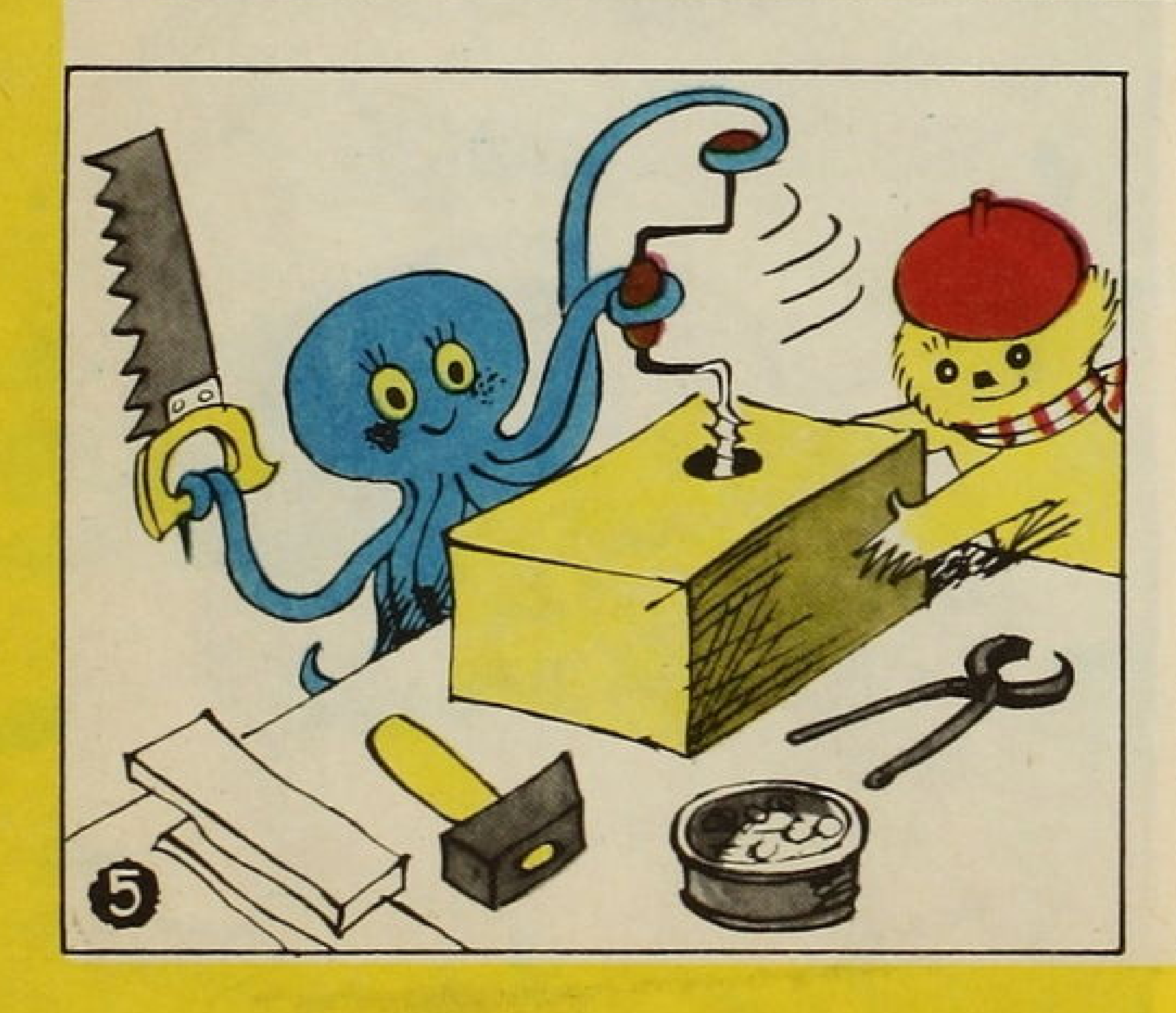

Рис. В. ЧИЖИКОВА

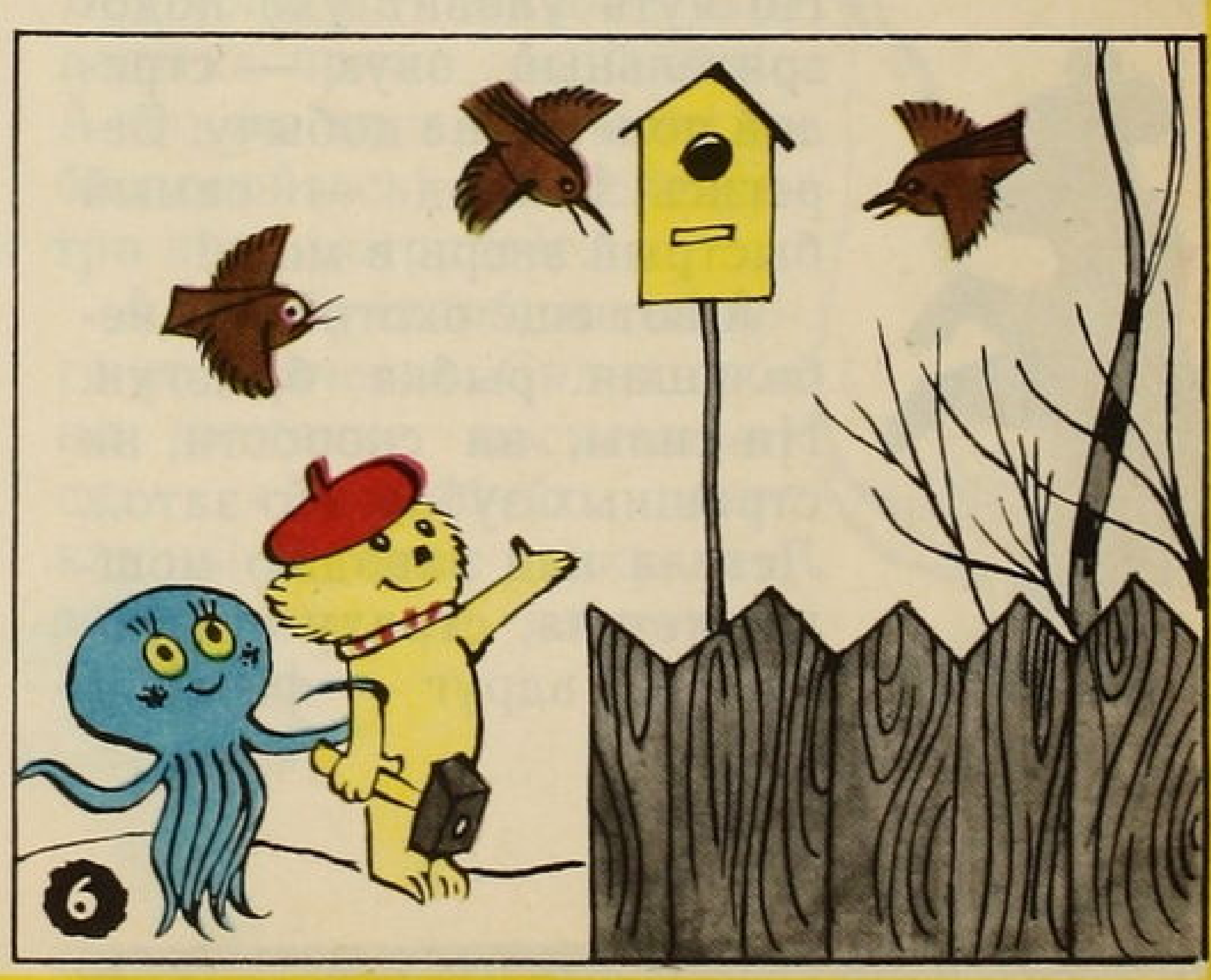

А. ТУМБАСОВ

Внучки

На замшелом, старом пне растут сосёночки-сестрёнки. Одна побольше, другая поменьше.

А внук с бабкой собирают грибы, и ему удивительно, как это так выросли сосёнки?

— Раньше, в давние времена, значит, — неторопливо рассказывает бабушка, — стоял здесь тёмный бор. Большущие вековые сосны росли и роняли семена. Когда-то, давно тоже, спилили их. Вместо старых сосен разросся светлый бор. Молодые сосны теперь тоже роняют семена. Два из них попали на трухлявый пень, и выросли сосёночки. Они уже будут внучками тех вековых сосен и растут на пне, как на плечах у деда или у бабки. Ты вот тоже внучек мой и вырос у меня на руках.

Дождик

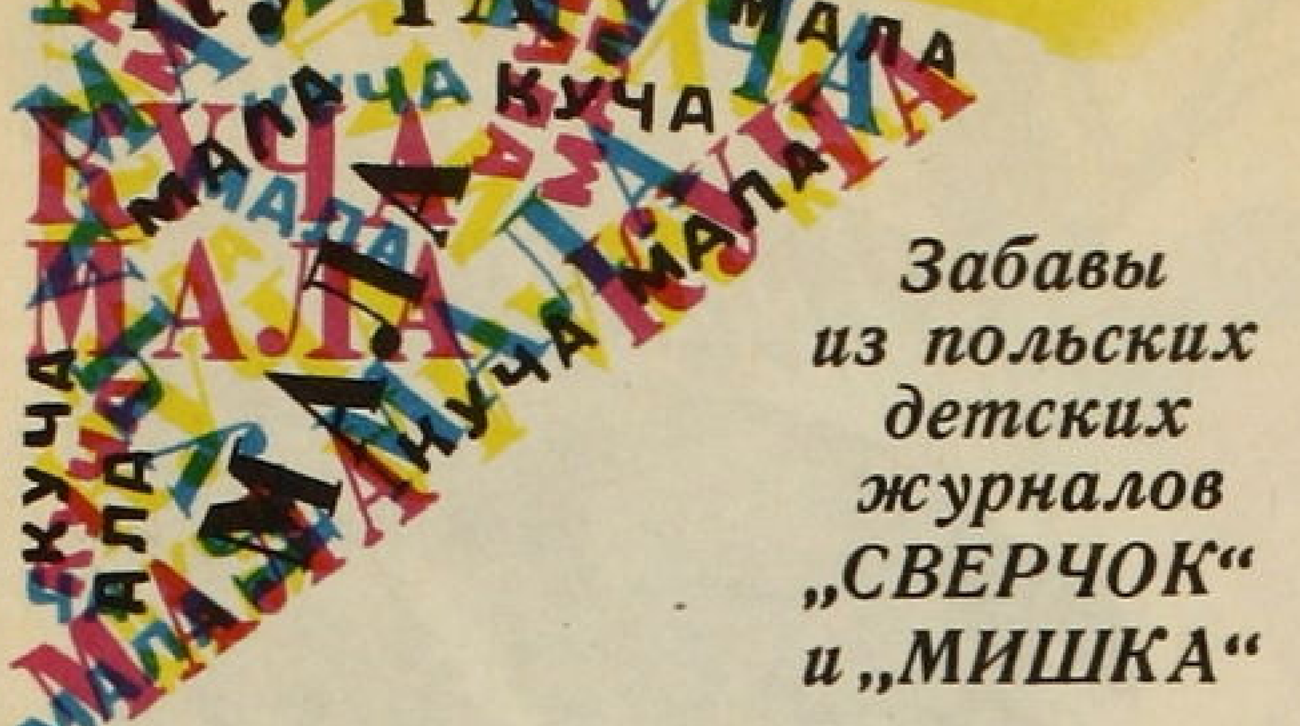
Начался дождик, я пошёл на поклон к ёлке и забрался под неё, как под шатровую крышу. Сквозь игольчатые занавеси видно — идёт дождь, а под ёлкой сухо.

Со мной укрылась от дождя какая-то пташка. Мы сидим близко друг от друга. Только она настороже, всё время начеку, будто на пружинах сидит, готовая взлететь в один миг. Но ни я, ни пташка не решаемся высунуть носа.

Да, летний дождик — не осенний, только цветам умыться. Перестал, и соседка исчезла, даже капли с иголки не сронив.

А я стал выбираться, задел ветку, качнул ёлку — и окатило меня всего. Ну да ладно, цветы умылись, и я душ принял.

Рис. В. ДУВИДОВА

Забавы из польских детских журналов „СВЕРЧОК“ и „МИШКА“

Рис. Ж. ВИТВИЦКОГО

Один цветок жёлтый, два синих, три красных. Раскрашивай и дальше в таком же порядке, только не ошибись.

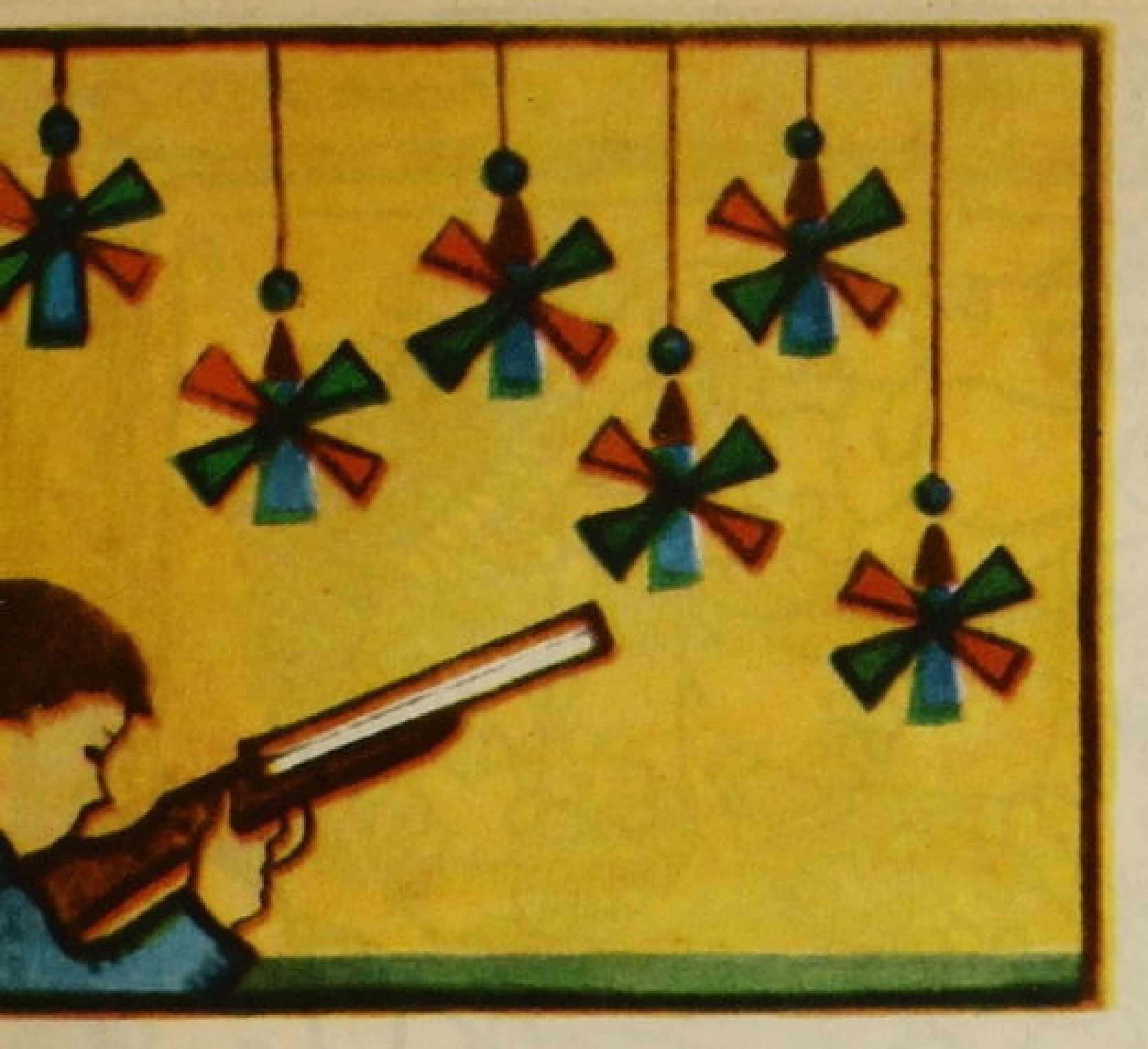
ЧАШКИ

Мама купила в магазине чашку, похожую на ту, которую разбил Томек. Чем отличается эта чашка от остальных!

Рис. Б. ДУТКОВСКОЙ

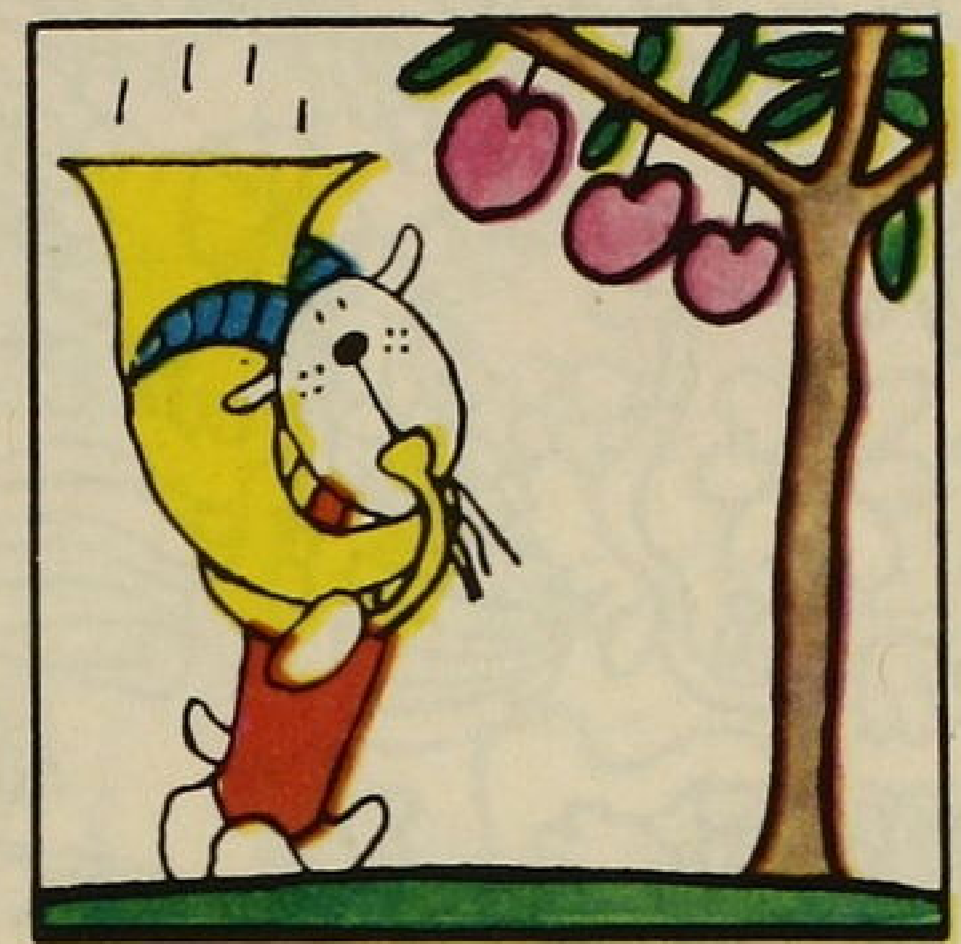

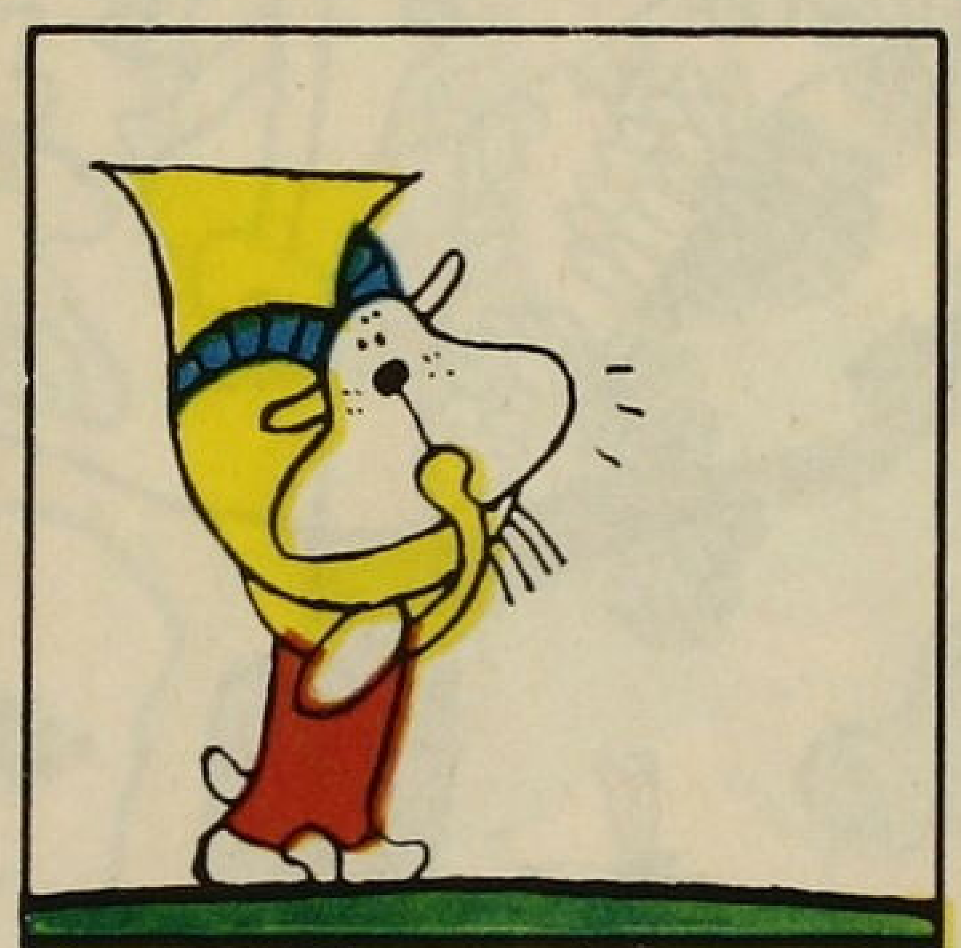
Мальчик выстрелил в вертушку, и она перевернулась. Найди эту вертушку.

КОЗЁЛ БОРОДАТЫЙ

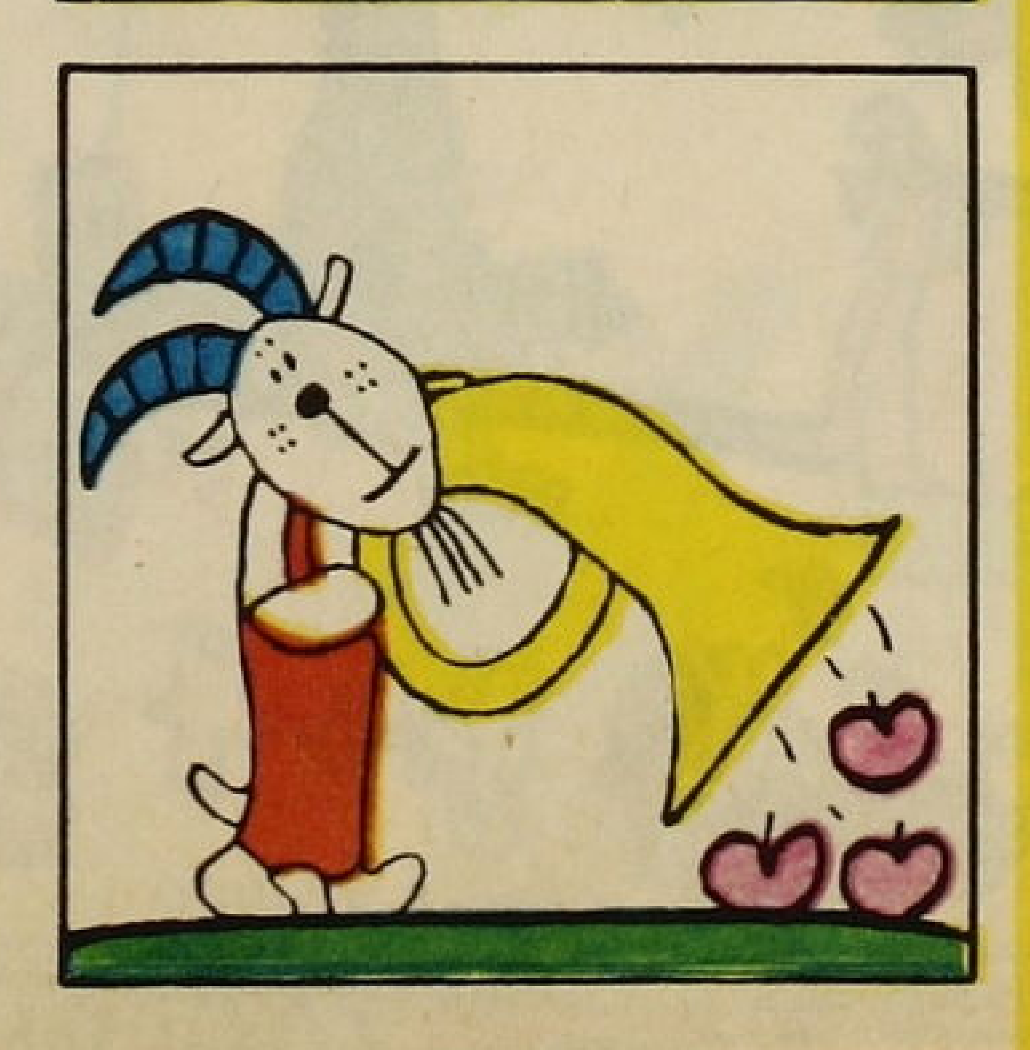

Рис. БРОН. ЛИБЕРДЫ

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ «В КАКОМ ГОРОДЕ ОКАЗАЛСЯ ПУТЕШЕСТВЕННИК?»

(Смотри «Мурзилку» № 3, страницы 12—13)

Путешественник не знает, кто перед ним — лжец или правдивый человек. Кстати, это и неважно для решения задачи. Важно помнить условия: лжец всегда лжёт, а правдивый говорит правду. Поэтому и лжец и правдивый, находясь в городе правдивых, на вопрос путешественника: «Вы житель этого города?» — ответят: «Да». Ведь правдивый человек действительно живёт в этом городе, а лжец по обыкновению солжёт. В городе лжецов и правдивый и лжец дали бы отрицательный ответ.

ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Художественный редактор
Г. Макавеева

Технический редактор
В. Агеева

Сдано в набор 12/II 1974 г.
Подписано к печати 28/II 1974 г.
Формат 84×108¹/₁₆.
Печ. л. 2 (усл. 3,36).
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 650 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 191.

Адрес редакции, издательства и типографии ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущёвская, 21.
Телефон 250-45-08.

Рисунок на обложке Ф. ЛЕМКУЛЯ

Цена 10 коп.
Индекс 70553
Найди на дереве героев сказки А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» и раскрась их.

Рис. В. ГОШКО